

Рассказы о Шаялине

В СОРМОВЕ

«...Мы с Горьким нередко ходили в баню...»

Ф. ШАЛЯПИН.

Приехав в очередной раз в Нижний Новгород для выступлений на сцене ярмарочного театра (это было в августе 1903 года), Ф. И. Шаялин остановился не в гостинице, как раньше, а в квартире М. Горького на Мартьяновской улице. Гастроли в опере затянулись, кроме того, в начале сентября намечался концерт артиста в только что построенном Народном Доме.

Пользуясь свободным временем и находясь в каком-то особенно приподнятом настроении, Федор Иванович много гулял по городу, по ярмарке или плавал на лодке по Волге и Оке, нередко отрывая друга от литературной работы и увлекая его в совместные прогулки.

Как-то он предложил Шаялину посмотреть Сормово. День выдался пасмурный. Моросил дождик. Ехать надо было на извозчике верст семь от ярмарки.

— Посмотришь, Федор, завод, поселок рабочий. Потом заедем к Трофимову Михаилу Дмитриевичу, моему знакомому технику завода. Он, кстати, большой любитель музыки, умеет играть на виолончели, мандолине и еще на чем-то. Организовал оркестр из рабочих,—говорил дорогой писатель Шаялину.

Ненастная, сырая погода сократила прогулку, и подзамерзшие путники, шагая по лужам, скоро попали в дом Трофимова. Быстро был сооружен самоварчик, закуски. За разговором Трофимов, покачивая на вид из окна, сказал артисту:

— Вот эта улица у нас главная, Федор Иванович. Про нее молодежь сложила частушку:

Сормовска больша дорога
Вся слезами улита.

По ней ходят и гуляют
Молодые некрута...

— Довольно складно. А слово «некрута», наверное, обозначает на сормовском диалекте «рекрута»? Иногда в частушках есть хорошие, веселые куплеты,—заметил Шаялин, и тут же резко до-

бавил:—Но в общем не люблю я частушек. На мой взгляд, это песни-коротышки без крыльев, без настоящей мелодии. По мне лучше старинные протяжные. Вот хоть бы «Эх ты, Ванька», которую пела моя матушка Авдотья Михайловна.

И тут же стал напевать эту песню. Присутствующие, конечно, притихли и слушали Шаялина. Когда смолкла последняя нота, через некоторую паузу певец сказал:

— Что же касается рабочей песни, то лучше «Дубинушки» я не знаю. Хочется спеть и ее. Только вы мне подтягивайте подружнее.

Снова раздался бархатный голос Шаялина, а в припеве ему подпевали Горький и Трофимов. Но на середине куплетов Шаялин неожиданно

замолчал и беспокойно произнес:

— Что-то у меня в горле сегодня сипит. А ведь завтра надо петь Мефистофеля. Вот бы, Лекса, попариться нам с тобой в баньке, чтобы простуду выгнать!

— Да у нас, Федор Иванович, банька-то за углом. Только рабочая, без особого комфорта,—воскликнул Трофимов.

— А парок там есть?—спросил Шаялин. И, получив утвердительный ответ, тут же весело и ириво предложил:—Пойдемте-ка, братцы, в баню! Нет ничего лучше бани.

В. КОЛЛАР.

На шуточном снимке —
А. М. Горький и Ф. И.
Шаялин.
Фото примерно 1903 года.